

ΠΑΙΔΕΙΑ

Опыт классного толкования Энеиды Вергилия (II 1-56)

Андрей Адольф

Ст. 1—2. Личность троянского героя успела до того заинтересовать собравшихся во дворцѣ Дидоны карфагенскихъ вельможъ, что, когда царица предложила ему рассказать съ самаго начала свои злоключенія, послѣдніе, сами давно желавшіе узнать про нихъ, вмгъ приготовились слушать занимательный рассказъ. Ихъ сильное желаніе узнать о несчастіяхъ троянцевъ выразилось прежде всего въ томъ, что среди всѣхъ ихъ вмгъ наступило молчаніе — *conticuere* здѣсь аористъ. Сильная цезура послѣ *conticuere omnes* эффектно выражаетъ молчаніе, водворившееся въ оживленномъ обществѣ, и особенно подчеркиваетъ ожиданіе слушателей, которое изображается во второй половинѣ стиха; напряженное вниманіе овладѣло всѣмъ ихъ существомъ — оттого *intenti* относится къ подлежащему и грамматически и логически — и выразилось въ ихъ какъ бы застывшихъ позахъ; на это указываетъ длительная форма *tenebant*. Ближайшее опредѣленіе къ *ora tenebant*, требуемое для полноты мысли, разумѣется само собою: если все вниманіе карфагенянъ обращено было на ожидаемый рассказъ Энея, то ясно, что на послѣдняго обращены были и лица всѣхъ слушателей. — При такой-то обстановкѣ рельефно обрисовывается фигура Энея: въ сонмѣ карфагенскихъ вельможъ онъ занимаетъ центральное положеніе, онъ и возлежитъ на ложѣ «высокомъ», разумѣется, отъ пышныхъ подушекъ и роскошныхъ ковровъ. Центральное положеніе Энея поэтъ рисуетъ фигурально помѣщеніемъ въ центрѣ стиха между

А. Адольф. Опыт класснаго толкованія Энеиды Виргилия (ii 1-56)

двухъ цезуръ словъ *pater Aeneas*, которыя окаймлены словами *toro... ab alto*, рисующими пышную обстановку его помѣщенія, а эпитетъ *pater* приданъ здѣсь Энею именно во вниманіе къ тому почету, который его здѣсь окружаетъ.

Ст. 3—13. Итакъ, Эней приступаетъ къ разсказу. Пользуясь вниманіемъ Дидоны и карфагенскихъ вельможъ, онъ не только хочетъ ознакомить ихъ съ судьбой своей несчастной родины, но и возбудить общее сочувствіе къ себѣ и своимъ спутникамъ. Это должно быть ясно съ первыхъ же словъ разсказа. — Воспоминаніе о пережитыхъ несчастіяхъ такъ еще живо, что разсказывать о нихъ значить вновь переживать ихъ со всѣми скорбными чувствами. Лучше объ нихъ и не разсказывать. Слова, выражающія эти чувства, *infandum* и *dolorem*, и поставлены въ началѣ и концѣ, т.-е. на главныхъ мѣстахъ, перваго предложенія, умѣщающагося въ цѣлый стихъ; дальнѣйшія слова вплоть до *lacrimis* служатъ только ихъ разъясненіемъ. Въ сопоставленіи *infandum* съ *renovare* лежитъ нѣкоторый контрастъ: *renovare* = *denuo novum facere* (sc. *narrando*), а *infandum* = *qui verbis exprimi non potest*: какъ же можно вновь пересказать то, что не поддается словесному выраженію? Такимъ образомъ, просьба Дидоны вполне не исполнима для Энея. Сущность же этой просьбы выражается въ томъ, чтобы разсказать, *ut Troianas opes et lamentabile regnum eruerint Danaï*. Троя въ этихъ словахъ обозначена цѣлымъ стихомъ посредствомъ hendiadys, въ которомъ вся сила лежитъ въ словахъ, помѣщенныхъ хіастически посрединѣ стиха: *opes* и *lamentabile*; *opes* означаетъ богатство, поскольку оно даетъ силу и могущество, и сопоставленіе выраженія *Troianae opes* (= *Troia opibus potens*), въ которомъ болѣе важное понятіе, заключающееся въ логическомъ опредѣленіи, обозначено болѣе важнымъ и синтаксически (выражено въ видѣ опредѣляемаго), со словами *lamentabile regnum* должно вызвать представленіе о быломъ величіи Трои и смѣнившемъ его глубокомъ ея униженіи, о рѣзкомъ переломѣ въ судьбѣ нѣкогда счастливаго царственнаго града, заслуживающаго поэтому особаго сочувствія. Тяжелый подъемъ второй половины стиха (*ēt lāmēntābile*) есть подходящее выраженіе тяжелаго чувства, вызываемаго у разсказчика плачевнымъ положеніемъ Трои. Не безъ особаго смысла употребленъ и глаголъ *eruerе*, въ первоначальномъ значеніи дающій воображенію картину выкорчевыванія деревьевъ: враги не оставили и слѣда отъ прежняго величія Трои. — Но скорбь Энея еще усугубляется при воспоминаніи о его собственномъ участіи въ тѣхъ грустныхъ событіяхъ: *miserrima, quae ipse vidi et quorum etc.* Себя Эней называетъ *pars magna* (*miserrimorum*), какъ бы олицетвореніемъ невзгодъ, постигшихъ Трою, значительной ихъ частью: его судьба въ значительной мѣрѣ есть судьба его отечества. Упомянувъ порознь о грустныхъ событіяхъ, разсказчикъ снова съ удареніемъ указываетъ на нихъ въ словѣ *talia*, замѣчая тутъ, что разсказъ объ нихъ заставилъ бы прослезиться даже

заклятого врага троянцевъ, не знающаго состраданія. Какъ же тяжелъ разсказъ для Энея! Это первое его оправданіе въ косвенной и вѣжливой попыткѣ отказать отъ предложенія Дидоны. Второе оправданіе — поздній часъ ночи и вслѣдствіе этого недостатокъ въ данный моментъ времени для обширнаго разсказа. Ночь изображена здѣсь въ видѣ влажнаго покрова, который, перейдя за высшую точку неба, быстро опускается въ лоно океана; вмѣстѣ съ ней сходятъ съ горизонта и звѣзды. — Отрицательнымъ смысломъ приводимыхъ оправданій объясняется союзъ *sed*, который противопоставляетъ прежнимъ заявленіямъ новую мысль положительнаго характера. Эней все же не рѣшается отказать Дидонѣ въ ея просьбѣ, но по вышеуказаннымъ двумъ причинамъ можетъ лишь вкратцѣ (*breviter* стоитъ подѣ удареніемъ) коснуться событій, и то не всѣхъ, а только «*casus nostros*» и *supremum Troiae laborem*. Этимъ заявленіемъ Эней опредѣляетъ характеръ своего разсказа, какъ повѣствованія очевидца, и вслѣдствіе этого для слушателей болѣе достовѣрный. Но *supremus labor Troiae*, еще живой въ немъ, не позволяетъ ему спокойно отнестись къ прошлому: онъ ужъ испытываетъ ужасъ (*horret*) отъ воспоминанія объ этихъ страданіяхъ и вслѣдствіе гнетущаго чувства скорби отказывается (*refūgit — perf. praes. = recusat*) отъ этихъ воспоминаній. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшается въ угоду Дидонѣ до нѣкоторой степени побороть свои скорбныя чувства, и эта геройская рѣшимость выражена словомъ *incipiam*, поставленнымъ подѣ сильнымъ удареніемъ, передъ многозначительной цезурой.

Ст. 13—20. Эней начинаетъ самое повѣствованіе. Греки потерпѣли подѣ Троей полную неудачу: *fracti bello fatisque repulsi*, ихъ вполне обезсилила продолжительная борьба, выдержать которую имъ оказалось не подѣ силу, но кромѣ того воспрепятствовала имъ и воля рока, недозволившаго имъ взять Троию силою: и внутренняя причина (собственное безсиліе) и внѣшняя (воля рока) положили конецъ усиліямъ грековъ. Но, на взглядъ древнихъ, вторая причина была существеннѣе первой, ибо воля рока обуславливала собою успѣхъ и неуспѣхъ человѣческихъ начинаній. Здѣсь эта мысль вполне очевидна благодаря *que explicativum*. — Послѣ рѣзкаго указанія на неуспѣхъ грековъ, обозначеніе греческихъ вождей словомъ *ductores* вм. *duces* можетъ показаться проницательнымъ, хотя самое слово Виргиліи употребляетъ ради благозвучія и во избѣжаніе прозаическаго *dux*. — Долго и напрасно трудились греки: *part. praes. labentibus* указываетъ на одновременность и одинаковую продолжительность означемаго имъ дѣйствія съ главнымъ дѣйствіемъ, которое, хотя здѣсь грамматически обозначено глаголомъ *aedificant*, но по смыслу всего мѣста выражается подразумѣваемымъ въ качествѣ главнаго (логическаго) сказуемаго глаголомъ пребыванія, стоянія на мѣстѣ, какъ будто бы мы имѣли такой текстъ: *diu frustra sub moenibus Troiae stabant, tandem aedificant etc*; если еще мы примемъ въ расчетъ значеніе глаго-

ла *labi*, выражающаго медленное незамѣтное движеніе, то слова *labentibus annis* въ отношеніи къ предъидущимъ и послѣдующимъ словамъ выдвинуть контрастъ между протекающимъ временемъ и усиліями грековъ, еще больше отгѣняя безплодность этихъ усилій и давая намекъ на нетерпѣніе, овладѣвшее греками отъ долгой и напрасной стоянки. Очевидно такимъ образомъ, что *iam* можетъ относиться лишь къ слову *tot*. — Несмотря на неудачу, все же энергія грековъ не изсякла; она теперь обратилась на исполненіе коварнаго замысла, и вотъ они сооружаютъ коня громаднаго и искусной отдѣлки. Послѣднія два качества особенно выдвинуты разскащикомъ: они обозначены гиперболически, и слова, выражающія гиперболы, поставлены на концахъ стиха, посреди котораго многозначительно поставлено *equum*. Архитектоника стиха гармонируетъ съ его смысломъ: гиперболы, окаймляющія слово *equum* подавляютъ значеніе этого слова, и смыслъ получается такой: много труда и искусства потрачено на вещь, въ сущности того не стоившую. Но въ этомъ-то и заключалась хитрость грековъ — прежде всего озадачить троянцевъ страннымъ сооруженіемъ; но съ громадностью коня связанъ былъ и особый расчетъ, очевидный изъ дальнѣйшихъ словъ. — Хотя для указанія на то, что конь былъ построенъ какъ архитектурное сооруженіе, достаточно было бы одного глагола *aedificant*, но поэтъ распространяетъ мысль этого глагола въ цѣлое предложеніе, занимающее всю вторую половину стиха послѣ цезуры *trithemimeres*, *secta — costas*, и присоединяетъ его къ *aedificant* союзомъ *que explicativum*. Причина такого распространенія чисто художественная: глаголь *aedificare* имѣетъ слишкомъ общее значеніе, означаетъ всякую архитектурную работу и въ представленіи поэта, живая фантазія котораго ищетъ всюду образовъ, движенія, опредѣленнаго дѣйствія, не вызываетъ никакого опредѣленнаго образа. Поэтому, желая и читателю представить дѣйствіе не въ отвлеченіи, а въ самомъ процессѣ, онъ прибѣгаетъ къ ряду словъ, вызывающихъ въ умѣ рядъ опредѣленныхъ, наглядныхъ дѣйствій, и вмѣсто отвлеченнаго понятія даетъ картину. Вм. *trabes abiegnae*, еловыя доски, онъ говоритъ *secta abies*, причѣмъ дереву даетъ не родовое, отвлеченное обозначеніе, а видовое; вм. *construunt — intexunt*, заимствуя метафору отъ искусства ткача, который на основу ткани кладетъ (*intexit*) новый рядъ нитокъ; а *costae* вызываютъ представленіе деревяннаго остова коня съ закругленными, точно ребра, поперечными дугами. Словомъ, для сколько нибудь живого воображенія получается наглядное представленіе самаго процесса сооруженія коня: греки пилятъ доски и ими обшиваютъ деревянный остовъ коня. — И такъ, конь готовъ, теперь готовится самый обманъ. Греки обозначаютъ этого коня (надписью на немъ, какъ говорило преданіе) даромъ Паллады, будто бы во исполненіе обѣта, который они когда-то дали богинѣ за благополучное возвращеніе на родину, и умышленно распространяютъ слухъ о такомъ

даръ по всей странѣ. Въ стихѣ, гдѣ объ этомъ говорится, ударяемыми словами будутъ: (*pro*) *reditu* (передъ цезурой!) и мѣстоименіе *ea*, указывающее на *reditus* и также стоящее на видномъ мѣстѣ предложенія.— Но обѣтннй даръ былъ даромъ коварнымъ: вся внутренность коня биткомъ была набита вооруженными людьми. Внутренность коня обозначена словами: 1) *caecum latus* и 2) *cavernae ingentes uterusque*; подъ *latus*, вѣроятно, надо разумѣть боковыя помѣщенія, гдѣ сидѣли избранные герои отдѣльно отъ простыхъ солдатъ, такъ чтобы первыми выйти изъ коня (срв. ниже ст. 259 слѣд.). Это были *delecta corpora virum* (описание лица посредствомъ *corpus* указываетъ здѣсь на физическую мощь избранныхъ храбрцевъ), среди которыхъ посредствомъ жребія произведенъ былъ вторичный выборъ; на двойной выборъ: одинъ по человѣческимъ соображеніямъ (*delecta*), а другой по указаніямъ божества (жребіи, выпавшій при метаніи, по понятіямъ древнихъ, не былъ простой случайностью, но явнымъ указаніемъ божественнаго выбора), здѣсь указывается съ особымъ удареніемъ, и слова *delecta* и *sortiti* — главныя въ стихѣ, причемъ *delecta* имѣетъ уступительный отгѣнокъ. — Помѣщеніе солдатъ названо *cavernae uterusque*; это — одно понятіе, хотя и выражено двумя сочиненными сущ. (hendiadys). Поэтъ имѣетъ здѣсь цѣлью отмѣтить обширность внутреннего помѣщенія и достигаетъ этого 1) употребленіемъ вмѣсто прилаг. *cavus* сущ-аго *cavernae*, которое вызываетъ образъ опредѣленнаго предмета (именно полагаю помѣщенія), болѣе наглядный, нежели понятіе качества, всегда болѣе или менѣе неопредѣленное, и слѣдовательно, болѣе пригодно въ поэтическомъ отношеніи, и 2) размѣщеніемъ словъ: *cavernas* поставлено на концѣ стиха, оно же мысленно повторяется и въ началѣ слѣдующаго стиха въ своемъ прилагательномъ *ingentes*, за которымъ стоитъ сущ. *uterus*, указывающее въ сущности на тотъ же предметъ; слѣдов., трижды вызывается представленіе о внутренности коня: какъ о поломъ мѣстѣ, какъ о чемъ-то помѣстительномъ, и какъ о пространствѣ, со всѣхъ сторонъ закрытомъ (*uterus*— нутро). Этими средствами достигается образность и рельефность въ выраженіи мысли, которая была бы утомительно неопредѣленна для поэтическаго созерцанія, если бы мы, положимъ, выразились такъ: *cavus et ingens uterus*, ибо тогда образу предмета предшествовали бы два обозначенія качества, которое безъ напередъ названнаго предмета, коему оно присуще, ничего не даетъ воображенію. — Послѣ такого выразительнаго указанія на обширность биткомъ набитаго чрева становится выразительнымъ и смыслъ единственнаго числа *armato milite*, служащаго здѣсь для обозначенія массы, въ которой ужъ отдѣльныя личности исчезаютъ; не то видимъ во множ. ч. *delecta corpora virum*.

Ст. 21—30. Дальнѣйшій рассказъ излагаетъ обстоятельства, непосредственно предшествовавшія катастрофѣ. Онъ начинается какъ бы издали: упоминаніемъ

А. Адольф. Опыт класснаго толкованія Энеиды Виргилия (ii 1-56)

острова Тенедоса, занимающимъ цѣлыхъ три стиха, — довольно много въ экономіи всего разсказа. Этимъ разскащикъ (= поэтъ) даетъ отдохнуть воображенію своихъ слушателей (= читателей) послѣ живого разсказа о сооруженіи коня и приурочиваетъ ихъ воображеніе къ опредѣленному мѣсту (чего прежде имъ не было сдѣлано) для того, чтобы подготовить ихъ къ дальнѣйшимъ сценамъ, въ которыхъ топографія играетъ важную роль. Потомуто первыя же слова переносятъ слушателей къ о-ву Тенедосу и троянскому берегу, который хотя не упомянутъ, но ясно виденъ изъ словъ *ea conspectu*; умолчаніе можно объяснить тѣмъ, что разскащикъ воображаетъ себя находящимся въ Троѣ (срв. *nos* въ ст. 25), но и тѣмъ, что троянскій берегъ само собою представлялся въ повѣствованіи о сооруженіи коня.— Упомянутіе о Тенедосѣ, о его прежней славѣ и наступившемъ паденіи, по естественной связи, вызываетъ мысль о прежнемъ величій Трои, которому и Тенедосъ былъ обязанъ своимъ процвѣтаніемъ. На величіе Трои указываетъ множ. ч. *regna*, а на процвѣтаніе Тенедоса превосх. степень *notissima*, еще усиленная твор. *fama*, и описаніе прев. степ. *dives opum*. Контрастъ къ этимъ превосходнымъ степенямъ составляетъ весь 23-ій стихъ, рисующій полное запустѣніе нѣкогда оживленнаго острова, при которомъ осталось лишь то, что дано ему самой природой и не могло быть отнято врагами: *nunc tantum sinus et statio male fida carinis*. Лишенное ритмическаго ударенія слово *sinus* выдвигаетъ предъидущее *tantum*, поставленное къ тому же передъ сильной цезурой, и придаетъ этимъ словамъ отгѣнокъ сожалѣнія, который въ слѣдующихъ словахъ какъ бы оправдывается указаніемъ и на малую пригодность залива, какъ стоянки для судовъ, заносимыхъ туда бурей. По своей архитектурикѣ этотъ стихъ напоминаетъ ст. 2-ой, конечно, при другомъ отгѣнкѣ мысли: межъ двухъ сильныхъ цезуръ стоятъ слова, указывающія на то, чѣмъ остался богатый островъ, а по крайямъ ихъ въ хіастическомъ соотвѣтствіи — опредѣленія; главный отгѣнокъ мысли здѣсь ужъ лежитъ въ послѣднихъ. — Послѣ этого держанія слушателей на мѣстѣ, разсказъ идетъ впередъ довольно быстро, въ краткихъ предложеніяхъ, — событія быстро слѣдуютъ одно за другимъ къ роковой развязкѣ, — но не одинаковымъ темпомъ, живописующимъ самый характеръ разсказываемыхъ фактовъ. Осторожно и тихо греки приютились у Тенедоса, отправившись отъ троянскаго берега прямо и рѣшительно (*provecti*), и эта осторожность и даже таинственность рисуется многозначительнымъ рядомъ спондеевъ, изъ которыхъ, кромѣ пятой стопы, состоитъ весь 24-ый стихъ; отъѣздъ грековъ внушилъ троянцамъ радостную увѣренность въ удаленіи враговъ навсегда отъ ихъ роднаго берега, и выраженіемъ этого чувства служатъ дактили слѣдующаго стиха. Эти дактили смѣняются тяжелыми спондеями, когда рѣчь идетъ о тяжкомъ бремені продолжительной скорби, отъ котораго наконецъ освободились троянцы, и снова

слѣдуютъ дактили, изображая мирное оживленіе, наступившее на прежнемъ полѣ брани. Указанные здѣсь оттѣнки мысли, передаваемые ритмомъ, развиваются и усиливаются въ отдѣльныхъ словахъ. Симметрическая постановка формъ *abiisse* и *petiisse*, схожихъ и по смыслу и по звуковому составу, усиливаетъ оттѣнокъ увѣренности (троянцевъ въ удаленіи грековъ), который долженъ былъ слышаться въ самомъ тонѣ разскащика, а *nos* на первомъ мѣстѣ стиха даетъ рѣзкое противуположеніе двухъ подлежащихъ по отношенію къ ихъ образу дѣйствій: коварные приемы грековъ сопоставляются съ простодушіемъ и довѣрчивостью троянцевъ. — Отмѣтимъ, что въ устахъ Энея эти качества здѣсь выступаютъ впервые, предварительно знакомя слушателей съ характеромъ дальше излагаемой послѣдней борьбы грековъ и троянцевъ. Довѣрчивость послѣднихъ обнаруживается и во всеобщей радости, которой отдалась вся страна сейчасъ же по удаленіи грековъ, и въ открытомъ ея выраженіи.— Но какъ бы ни были похвальны указанные качества, они здѣсь въ положеніи троянцевъ должны были бы (того требуетъ простой здравый смыслъ) соединяться съ разумной осторожностью; иначе они получаютъ оттѣнокъ ребяческой наивности, говорящей не въ пользу отдѣльнаго взрослого человѣка, не говоря ужъ о цѣломъ народѣ. Почему бы, напр., троянцамъ въ данномъ случаѣ не прослѣдить за греками, чтобы убѣдиться въ ихъ дѣйствительномъ удаленіи на родину? Все это дѣйствительно можно было бы сказать о троянцахъ, и Эней выставилъ бы ихъ (въ томъ числѣ и себя самого) передъ карфагенянами въ невыгодномъ свѣтѣ, если бы не было особой причины такъ сказать умопомраченія троянцевъ, изъ-подъ вліянія которой человѣкъ не властенъ выбиться. На нее Эней ясно указываетъ въ другомъ мѣстѣ, и она намъ представится послѣ разбора всего отрывка во всей своей неотразимости. Послѣ того, быть можетъ, мы и пожалѣемъ троянцевъ. Пока они, въ полномъ невѣдѣніи враждебной имъ силы, отдаются со свойственнымъ имъ прямотушіемъ непосредственнымъ впечатлѣніямъ послѣ долгой и утомительной осады. Послѣдуемъ и мы за ними изъ города въ поле. (На классной доскѣ рисуется троянское побережье, о-въ Тенедосъ, рѣки Симоисъ и Скамандръ и городъ Троя, и указываются приблизительно мѣста, обратившія на себя вниманіе троянцевъ).

Ст. 31—39. Но особое вниманіе слушателей разскащикъ останавливаетъ на толпѣ, окружившей деревяннаго коня. Дивное сооруженіе вызываетъ сначала безотчетное изумленіе (*stupor*), которое потомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, смѣняется болѣе постояннымъ чувствомъ, удивленіемъ (*admiratio*), и именно передъ тѣмъ, что прежде всего бросается въ глаза, — передъ громадностью коня. Затѣмъ уже въ толпѣ является вопросъ: что съ нимъ дѣлать? И тутъ начинаются разногласія и горячіе оживленные споры. Эней, знающій трагическія послѣдствія греческой хитрости, до того не можетъ разстаться съ мыслью о нихъ

А. Адольф. Опыт класснаго толкованія Энеиды Виргилия (ii 1-56)

при повѣствованіи о предшествовавшихъ имъ фактахъ, что примѣшиваетъ ее и тутъ, рассказывая о томъ моментѣ, когда конь еще только стоялъ среди троянцевъ. Онъ не можетъ не назвать коня *donum exitiale*, не можетъ, при упоминаніи о совѣтѣ Фимета, со вздохомъ не указать на злой рокъ Трои. — Особенно точно отмѣчаются болѣе благоразумные совѣты: или уничтожить коня или разбить его и узнать, что въ немъ заключается. Тутъ замѣтимъ мимоходомъ, что въ словахъ: *subiectis urere flammis* въ поэтическомъ отношеніи важно причастіе *subiectis*, совершенно лишнее (равно какъ и *flammis*) въ прозаическомъ оборотѣ: оно придаетъ нашему выраженію наглядность и живость. — А что же дѣлаетъ толпа, присутствующая при этихъ спорахъ и противорѣчивыхъ толкахъ? Она не знаетъ, на чью сторону стать, и поэтому склоняется то къ тому то къ другому мнѣнію, больше съ горячностью, нежели въ силу опредѣленныхъ и ясныхъ доводовъ (*studia*).¹ Слова, обозначающія нерѣшительное настроеніе толпы, выразительно поставлены въ началѣ стиха, заполняя первую его половину до цезуры, между тѣмъ какъ вторая его половина (за исключеніемъ, конечно, *vulgus*) означаетъ слѣдствіе, какое можно было ожидать изъ такого настроенія (именно *studia contraria*).

Сцена эта — троянцы, обсуждающіе, что дѣлать съ конемъ — есть и у Гомера. Въ Одиссеѣ VIII 504 слѣд. пѣвецъ Демодокъ поетъ о взятіи Трои, о томъ, какъ конь съ заключенными въ немъ героями стоялъ окруженный троянцами.

αὐτοὶ γάρ μιν Τρῶες ἐς ἀκρόπολιν ἐρύσαντο.
ὡς ὁ μὲν ἐστήκει, τοὶ δ' ἄκριτα πόλλ' ἀγόρευον
ἡμενοὶ ἀμφ' αὐτόν• τρίχα δέ σφισιν ἦνδανε βουλή,
ἢ ἐ διατμήξαι κοῖλον δόρυ νηλεῖ χαλκῶ,
ἢ κατὰ πετράων βαλέειν ἐρύσαντας ἐπ' ἄκρης,
ἢ ἑάαν μέγ' ἄγαλμα θεῶν θελκτήριον εἶναι,
τῆ περ δὴ καὶ ἔπειτα τελευτήσεσθαι ἔμελλεν•
αἴσα γὰρ ἦν ἀπολέσθαι κτλ.

Между описаніемъ Гомера и Виргилия есть существенная разница: у Гомера эта сцена происходитъ уже въ Троѣ, а у Виргилия еще на морскомъ берегу, и сообразно съ этимъ у Гомера никто и не даетъ совѣта тащить коня въ городъ, между тѣмъ какъ у Виргилия введеніе коня въ городъ есть важный моментъ повѣствованія, выкинуть который изъ рассказа невозможно. Это, очевидно, потому, что Виргилій слѣдовалъ не Гомеру, а позднѣйшему эпическому поэту, описывавшему разрушеніе Трои. Но не было ли и внутренней, художественной причины того, что Виргилій предпочелъ слѣдовать позднѣйшему повѣствованію? (этотъ вопросъ можно здѣсь лишь намѣтить, но отвѣтъ на него можетъ быть данъ лишь по прочтеніи дальнѣйшихъ эпизодовъ съ Синономъ и Лаокоономъ).

¹ Цит. Inv. I 25 такъ опредѣляетъ *studium*: *Stadium est animi vehemens ad aliquam rem applicata magna cum voluntate occupatio.*

Ст. 40—56. Волнения в толпе еще не успокоились (*ibi*), как все замечают, что из города бѣжит по направлению к берегу какой-то человек, а за ним громадная толпа народа. Этот человек бѣжит далеко впереди толпы, что обозначается усилением превосходной степени *primus* наглядным выражением *ante omnes* (вм. обычного в прозе *omnium*); он и не собирал ее, а сам народ, предчувствуя, что нечто необычайное гонит из города этого, слишком знакомого ей, человека, бѣжал за ним в некотором отдалении. Вот уже он на таком отдалении от берега, что все узнают в нем жреца Лаокоона, еще ближе — и видят его возбужденную фигуру и слышат его гневные слова. Переход от общего неопределенного впечатления толпы до вполне определенных восприятий зрения и слуха, сопровождающих узнавание предмета, передан в трех первых стихах размещением слов, обозначающих предметы восприятия, в точном соответствии с естественным ходом восприятия, получаемых нами при приближении к нам предмета, движущегося к нам с более или менее значительного отдаления. Такими словами здесь служат: *primus — caterva — Laocoön — arce* (вид Лаокоона дает стоящей на берегу толпе понять, откуда этот человек бѣжит: как жрец Аполлона, храм которого находился на троянском акрополе, он, быть может, выходил из храма, когда с высоты акрополя увидал, что дѣлается на берегу, и немедленно побѣжал туда) и, наконец, само собою при *procul* перед звательным пад. подразумеваемый глагол *dicendi*. Следует заметить, что эти важные слова поставлены все в начал и конц своих стихов, придавая каждому стиху цельность выражения: первому — общей, сразу представившейся взорам, картины бѣгущего впереди огромной толпы человека, второму — ясных впечатлений зрения, третьему — таких же впечатлений слуха. — Появление Лаокоона должно было возбудить сильное внимание толпы: возбужденный вид почтенного жреца сулил ей грозные речи. Он предстал перед ней *ardens sc. ira* и в сильном волнении стал осыпать толпу упреками еще издали, не дожидаясь, пока она утихнет, и в нетерпении не забываясь о том, чтобы все его слышали: он прозрел в конц обман и видя, что толпа не думает уничтожать его, не вытерпеть, чтобы не побѣжать к ней и не предостеречь ее, — поступок, свидетельствующий о пламенном патриотизме Лаокоона. Эту черту следует особенно заметить, она пригодится при объяснении сцены его гибели. Патриотический характер носит и речь его: он призывает к гражданскому чувству троянцев — обращение *cives* придает сердечный характер его словам, — к их опыту, который должен же был в течение десяти лет хорошо познакомить их с врагами, наконец к здравому смыслу и необходимой по отношению к врагу осторожности, и — что еще внушительней — подкрепляет свои слова энергическим действием: призвав на помощь все

А. Адольф. *Опыт класснаго толкованія Энеиды Виргилия (ii 1-56)*

свои силы, онъ мечетъ коню въ бокъ очутившееся въ рукахъ его копье, чтобы убѣдить своихъ согражданъ, что въ конѣ таятся враги. — Энергическій размахъ и сила удара рисуются въ слѣдующихъ за рѣчью словахъ разсказа. Прилагательныя *validis* и *ingentem*, отмѣчающія количество пущенной здѣсь въ ходъ силы и громадность копья, поставлены рядомъ въ центрѣ стиха и являются здѣсь носителями главной мысли стиха, съ которой гармонируетъ медленный спондаическій подъемъ его (*sīc fātūs validis*) — все это вмѣстѣ рисуетъ напряженіе силъ и медленность размаха тяжелаго копья. Первая половина второго стиха играетъ повтореніемъ подъ арсисомъ краткаго слова *in*, что должно выражаться въ энергическомъ его произношеніи и, дѣйствуя на слухъ, рисовать силу, съ которой копье было выпущено изъ рукъ Лаокоона, косвенно давая вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе о силѣ самаго удара. Последняя рисуется уже первымъ словомъ слѣдующаго стиха: оно при спондаическомъ, значить медленномъ, подъемѣ имѣетъ весьма энергическое и звучное окончаніе: рѣзкую гласную *i* въ срѣдинѣ между шипящей и твердой зубной; къ тому же одно это слово наполняетъ часть стиха до цезуры, сила которой увеличивается сильнымъ знакомъ препинанія, соединеннымъ съ большою паузой. Здѣсь поэтическій языкъ, своими музыкальными средствами, имѣетъ цѣлью вызвать въ представленіи читателя наглядный образъ, вызывая соотвѣтствующія ему звуковыя впечатлѣнія. — Ради наглядности картины поэтъ посвящаетъ цѣлый стихъ указанію мѣста, въ которое направленъ былъ ударъ Лаокоона. Въ этомъ стихѣ общее обозначеніе мѣста: *latus* разъясняется точнѣе выраженіемъ *in album*, опредѣленіе послѣдняго слова, *curvam compagibus*, передаетъ форму живота и указываетъ на матеріалъ, изъ котораго онъ крѣпко сколоченъ (мы бы могли передать это мѣсто такъ: Лаокоонъ направилъ копье въ бокъ коня, въ округлость крѣпко сколоченнаго живота). Все сочетаніе опять возобновляетъ въ памяти слушателей представленіе о прочности сооруженія, о толщинѣ досокъ и ставитъ его въ связь съ силою размаха, подчеркивая его необычность: вѣдь для того, чтобы копье прошло столь прочную обшивку насквозь, нуженъ необычный размахъ и необычная сила удара. — Если теперь мы представимъ наглядно высказанное до сихъ поръ поэтомъ о дѣйствіяхъ Лаокоона, то должны будемъ отмѣтить три момеата: 1) размахъ (ст. 50), 2) метаніе (ст. 61) и 3) ударъ (ст. 52), причемъ каждый предшествующій моментъ подготавливаетъ послѣдующій и не разбиваетъ цѣльности впечатлѣнія. — Въ дальнѣйшихъ словахъ рисуется эффектъ, произведенный ударомъ. Сила удара сказала въ явленіяхъ, послѣдовавшихъ за нимъ и передаваемыхъ словами: *stetit illa — cavernae*. Тутъ важную роль играютъ цезуры; ими отдѣляются четыре момента произведеннаго эффекта: 1) *stetit illa tremens*: копье не прошло насквозь, оно застряло въ боку, но центробѣжная сила мощнаго удара вырзилась въ дрожи копья, завязшаго въ твердомъ матеріалѣ; 2) *utero*

recusso: упругій животъ заколыхался, будучи вдавленъ внутрь тяжелымъ копьемъ и снова принявъ прежнюю форму; 3) *insonuere cavae cavernae*: раздался громкій звукъ, *sonus*, но такой звукъ, который ясно указалъ на то, что за внѣшней обшивкой есть обширное внутреннее помѣщеніе; такъ толковать мѣсто заставляетъ прилаг. *cavae*, которое, составляя съ словомъ *insonuere* нѣчто цѣльное по метрической причинѣ, должно, повидимому, составлять съ нимъ нѣчто цѣльное и по смыслу, и имѣетъ пролептическій смыслъ (= *ita, ut eas cavas esse facile posses cognoscere*); наконецъ, 4) *gemitumque dedere cavernae*: за громкимъ звукомъ послѣдовалъ глухой гулъ, явное указаніе на то, что внутренность коня не пустая. Эти четыре момента не только явственно выступаютъ въ рассказѣ, но и наглядно живописуются звуковой стороной стиховъ: шипящіе звуки и дрожащія *r*, занимающія видное мѣсто въ стихѣ 52-мъ, въ слѣдующемъ стихѣ даютъ мѣсто гласному звуку *e* (повторяющемуся девять разъ), который въ концѣ стиха, соединяясь съ глухими звуками *d*, *v* и *n*, (*dedere cavernae*), самъ приобретаетъ глухой отгѣнокъ. — Такими-то средствами (сопоставленіями, метрическими разчлененіями, музыкальнымъ подборомъ словъ) поэтъ хочетъ возсоздать и закрѣпить въ живомъ представленіи читателя картину эффекта, произведеннаго неожиданно смѣлымъ поступкомъ Лаокоона. Въ этой картинѣ рельефно выдѣляются двѣ фигуры: равнодушно-грозная фигура гигантскаго коня и фигура возбужденнаго Лаокоона, на котораго теперь устремлено все вниманіе шумѣвшей толпы. Смѣлый ударъ повергъ толпу въ изумленіе; многимъ это показалось кощунствомъ (потомъ гибель Лаокоона выставляли наказаніемъ за это кощунство, срв. стр. 229 слѣд.); служитель боговъ такъ неуважительно отнесся къ священному предмету. Большая пауза за *contorsit* фигурально выражаетъ гробовое молчаніе, водворившееся въ изумленной толпѣ: всѣ явственно слышали не только свистъ и дрожь копья, но и глухой гулъ, раздавшійся въ наполненномъ чревѣ коня. И однако по своей слѣпотѣ не вняли явнымъ указаніямъ на грозившую Троѣ опасность. — Одно воспоминаніе объ этомъ вызываетъ въ душѣ Энея чувство глубокаго сожалѣнія, — но люди неповинны въ своей оплошности, когда боги помрачаютъ ихъ умъ и дѣлаютъ ихъ слѣпыми къ явной опасности. Чувство сожалѣнія особенно сердечно сказывается у Энея въ обращеніи къ замку Пріама въ формѣ 2-го лица: съ Троей связаны у него лучшія воспоминанія его жизни. — О томъ, что послѣдовало послѣ Лаокоонова удара, какъ толпа отнеслась къ поступку жреца, каковы были дальнѣйшія его дѣйствія (ибо трудно предположить, чтобы Лаокоонъ ограничился лишь рѣчью и ударомъ) — обо всемъ этомъ раскащикъ (= поэтъ) ни здѣсь ни далѣе не упоминаетъ и дѣлаетъ это умышленно: о томъ, что слова и дѣйствіе Лаокоона остались безъ послѣдствій для толпы, ясно будетъ изъ послѣдующаго рассказа, а между тѣмъ остановка на эффектной сценѣ интригуетъ слушателей (= читателей),

А. Адольф. *Опыт класснаго толкованія Энеиды Виргилия (ii 1-56)*

вызывая въ нихъ любопытство къ дальнѣйшему разсказу, и рельефно выдвигаетъ неожиданность новой сцены, описаніе которой начинается за патетическимъ отступленіемъ.

Ст. 57 и слѣд. Неожиданное появленіе грека, котораго троянскіе пастухи поймали на берегу и тащили къ Пріаму.²

Послѣ разбора всего отрывка умѣстенъ будетъ вопросъ: какая общая мысль проникаетъ весь этотъ разсказъ? Слѣдуютъ ли событія, какъ результатъ воли и дѣятельности троянцевъ, или все происходитъ какъ бы помимо ихъ?

Прослѣдимъ это на самыхъ событіяхъ, строго придерживаясь Виргиліева разсказа.

Лишь только прошелъ слухъ, что враги навсегда удалились, троянцы, освобожденные отъ долгой осады, съ неимовѣрной радостью пошли осматривать мѣста, съ которыми у нихъ соединялось столько грустныхъ и радостныхъ воспоминаній. Вотъ видятъ громаднаго коня. Толпа приходитъ въ изумленіе отъ небывалаго зрѣлища. Пошли оживленные толки о томъ, для чего этотъ конь и что съ нимъ дѣлать. Высказываются различныя мнѣнія; толпа шумитъ, галдитъ, волнуется. Дать бы только ей выяснитъ себѣ все доводы, приводимые въ пользу того или другого мнѣнія, и, можетъ быть, мнѣніе болѣе благоразумныхъ восторжествовало бы. Но вдругъ замѣчаютъ: къ нимъ бѣжитъ Лаокоонъ; вотъ ужъ слышенъ его голосъ и гнѣвные слова упрековъ. Его пламенная, энергическая рѣчь, подкрѣпленная не менѣе рѣшительнымъ дѣйствіемъ, производитъ на толпу сильное впечатлѣніе. Послѣ удара стало ясно, что конь не пустой. Придти бы толпѣ къ сознанию, и Троя была бы спасена, но не успѣли замереть въ воздухѣ послѣдніе звуки Лаокоонова удара, какъ гдѣ-то въ сторонѣ послышались страшные крики, перемѣшанные съ воплями и просьбами о помощи. Вниманіе толпы отвлечено отъ коня и Лаокоона въ другую сторону. Это пастухи тащутъ плѣнника, который затѣмъ оказался грекомъ Синономъ, съумѣлъ вызвать къ себѣ состраданіе троянцевъ, воспользоваться ихъ довѣрчивостью и уговорить ихъ ввести коня въ городъ. Потомъ еще трагическая гибель Лаокоона.

Такимъ образомъ, какая-то невидимая сила держитъ троянцевъ какъ бы въ помраченіи, не давая имъ ни на минуту опомниться. Рокъ свинцовой тучей нависъ надъ несчастными и неизбѣжнымъ образомъ ведетъ ихъ къ гибели.

Мы были бы слишкомъ самоувѣренны, еслибъ предложенному толкованію придавали значеніе образа, по которому должно происходить толкованіе Виргилія. Въ своихъ объясненіяхъ мы только задавались цѣлью показать на разборѣ

² Мы не предлагаемъ разбора отрывка, гдѣ описывается появленіе Синона, такъ какъ этотъ отрывокъ составляетъ часть цѣлой и законченной сцены, весьма интересной въ психологическомъ отношеніи. Здѣсь мы лишь отмѣчаемъ фактъ появленія Синона, служащій завершеніемъ разобранной нами вступительной сцены.

отрывка изъ Виргиліа, въ какомъ направленіи должна, на нашъ взглядъ, идти работа учителя, толкующаго въ классѣ древняго поэта, и въ какой формѣ могутъ быть резюмированы результаты класснаго толкованія. Этой же цѣлью объясняется и приданная толкованію форма догматическаго изложенія. По нашему убѣжденію, эти резюмированные результаты лишь тогда имѣютъ педагогическую цѣнность, когда они не даны ученику въ готовомъ видѣ, а являются выводами изъ произведеннаго въ классѣ точнаго разбора поэтическаго текста при дѣятельномъ участіи всѣхъ учениковъ. Классное толкованіе древнихъ поэтовъ, сильныхъ гармоніей художественной формы и мысли, и должно состоять въ анализѣ ихъ формы и мысли, въ постиженіи этой гармоніи для того, чтобы вызвать въ ученикахъ тѣ же образы, тѣ же мысли и чувства, какія самъ поэтъ хотѣлъ вызвать въ своихъ читателяхъ, и косвенно показать тѣмъ же ученикамъ путь добыванія точныхъ, и въ этомъ смыслѣ научныхъ, результатовъ, знакомя ихъ съ приѣмами самостоятельной работы. Такое толкованіе требуетъ совмѣстной живой работы учителя и учениковъ надъ текстомъ поэта. Вотъ почему мы сочли бы педагогической несообразностью предлагать ученикамъ объясненія, въ родѣ данныхъ здѣсь нами къ Виргилію, въ мертвомъ видѣ, — все равно, въ видѣ ли университетскаго чтенія съ кафедръ или въ видѣ печатнаго комментарія: они должны вырабатываться въ классной бесѣдѣ, въ которой главную роль играютъ аналитическіе вопросы учителя, имѣющіе цѣлью вывѣдать не только знаніе учениковъ, но и ихъ разумніе, сознательное отношеніе къ читаемому, равно какъ направить ихъ къ точному пониманію текста. Характеръ вопросовъ зависитъ, конечно, отъ разбираемаго мѣста, но въ значительной мѣрѣ отъ развитія и индивидуальности учениковъ и обусловливается ихъ отвѣтами, часто неясными и неопредѣленными отъ неумѣнія подыскать соотвѣтствующее своей мысли выраженіе. Учителю въ послѣднемъ случаѣ предстоитъ нелегкій трудъ угадывать вѣрную мысль учениковъ, рядомъ другихъ вопросовъ направлять ихъ къ требуемому отвѣту и въ концѣ концовъ подводить въ ясной и опредѣленной формѣ итоги. Невѣрные отвѣты учениковъ на такіе аналитическіе вопросы имѣютъ иногда больше цѣны, нежели отвѣты сразу удачные: они даютъ поводъ къ болѣе глубокому анализу разсматриваемаго факта, привлекаютъ къ работѣ больше и больше учениковъ и результатъ получается ощутительнѣе и цѣннѣе отъ того, что онъ добытъ собственнымъ трудомъ учениковъ. И вообще классному толкованію долженъ быть приданъ такой характеръ, чтобы ученикамъ казалось, что всѣ результаты добыты ихъ трудами и догадкой лишь подъ руководствомъ учителя.

Но несомнѣнно, что классный разборъ будетъ тѣмъ основательнѣе и тѣмъ плодотворнѣе для пониманія поэта, чѣмъ прочнѣе тотъ фундаментъ ученическихъ знаній, на который оно опирается. Забота учителя должна быть, слѣдовательно,

А. Адольф. Опыт класснаго толкованія Энеиды Виргилия (ii 1-56)

направлена на заложение такого фундамента, — только чтобы этот фундамент не подавлялъ всего зданія, которое на немъ возводится, иначе говоря, въ сообщеніи формальныхъ свѣдѣній требуется соблюденіе известной мѣры, иначе толкованія получаютъ спеціальнѣйшій характеръ, неподходящій къ характеру общеобразовательной школы. Свѣдѣнія, необходимыя ученику для сознательнаго участія въ классномъ толкованіи, должны дать: грамматика, словарь, печатный комментарий и самъ учитель (слѣдующій вмѣстѣ съ тѣмъ за точнымъ и краткимъ занесеніемъ сообщаемыхъ въ классѣ фактическихъ свѣдѣній въ имѣющіяся для этого у учениковъ тетради въ видѣ collectanea), кромѣ того познанія, приобретеннаго при предшествующемъ чтеніи.

Что касается школьнаго комментарія къ древнимъ поэтамъ, то въ виду указанной его роли, онъ, на нашъ взглядъ, долженъ 1) имѣть въ виду исключительно учениковъ; 2) отличаться практическимъ характеромъ, простотою и краткостью; 3) заключать въ себѣ лишь то, что непосредственно нужно для толковаго приготовленія заданнаго отрывка, что ученикъ безъ особыхъ затрудненій можетъ твердо выучить къ уроку: а) объясненія трудныхъ выраженій или въ видѣ готоваго ихъ перевода, или въ видѣ указанія пути къ ихъ пониманію (конструкціи и др.), б) переложение наиболѣе типичныхъ поэтическихъ оборотовъ на прозаическіе и в) весьма краткія объясненія главнѣйшихъ реалій, которыя, во избѣжаніе повтореній, лучше всего прилагать къ автору отдѣльно въ видѣ указателей. — Словомъ, школьный комментарий, избѣгая всякихъ теоретическихъ объясненій, долженъ подготовить почву для класснаго толкованія, на которомъ лежитъ главная задача всесторонняго ознакомленія учениковъ съ поэтическимъ произведеніемъ.³

³ Къ разобранному мѣсту Виргилія мы бы предложили такой комментарий:

Ст. 1-13: intenti] “съ напряженнымъ вниманіемъ”. — *ora tenebant]* т.-е. *ora in Aeneam conversa tenebant*. — *Troianas ut opes...*] констр.: *quis fando, ut Danaï... eruerint, miserrima* (приложеніе), *quaeque* (= *et quae*)... — *pars fui]* — *particeps fui*. — *Myrmidones, Dolopes]* воинственные полчища, приведенныя подъ Трою Ахиллесомъ и сыномъ его Пирромъ. — *coelo]* = *de coelo*. — *suadent somnos]* „убѣдительно зовуть ко сну”. — *cadentia]* = *occidentia*. — *meminisse]* служить дополненіемъ къ обоимъ сказуемымъ.

Ст. 13-20: fatis repulsi] „отверженные рокомъ” (Жуковскій). — *labentibus annis]* — *dum anni labuntur*. — *secta abiete]* *secta abies* „еловыя доски”. — *votum (simulant)]* глаголъ: греки выдаютъ коня за обѣтннй даръ. — *huc]* точнѣе объясняется словами: *caeco* (= *obsuro*) *lateri*. — *cavernas utrumque]* *hendiadys*.

Ст. 21-39: est in conspectu] *sc. Troiani litoris*. — *notissimā famā]* на Тенедосѣ былъ знаменитый храмъ Аполлона. — *nunc]* т.-е. *post Troiam dirutam*. — *male]* = *parum*. — *castra desertosque locos]* = *desertos locos castrorum*. — *tendebat]* = *tentorium habebat*. — *stupet]* „стоитъ въ изумленіи”. — *intra muros]* — *in urbem*. — *dolo]* *sc. hortatur*. — *sic iam fata ferunt]* „такова ужъ судьба”. — *(ii) quorum melior sententia menti (erat)]* = *homines prudentiores*. — *pelago (dat.)]* = *in pelagus*. — *insidias suspectaque dona]* *hendiadys*. — *subiectisque]* = *subiective*. — *incertum... vulgus]* *vulgus nesciens, quid faciendum sit*.

Ст. 40-56: Laocoön] жрецъ Аполлона. — *ardens]* *sc. ira*. — *Danaum]* *omniscit* къ *dona*. — *machina]* *nom. praedic.* — *inspectura... ventura]* обстоят. цѣли; дѣйствіе относится не къ граммат. подлежащему. — *aliquis]* = *alius quis*. — *error]* = *fraus*. — *et dona ferentes]* = *etiam cum ultro of-*

Не задаваясь здесь намерением выяснить и обосновать цели и приемы классного толкования с желательной подробностью, мы вкратце укажем на основные требования, каким должен удовлетворять классный анализ поэтического текста. Прежде всего требуется соблюдение единства идеи и формы. Целность художественного образа предъявляет к толкователю обязательное требование — объяснять мысль поэта ее выражением, языком или ритмом, объяснять формы языка и сочетания слов вложенной в них мыслью. Разсматривание мысли и формы порознь, как самостоятельных частей, лишает художественное произведение его существенного признака, и в результате толкование поэта делается формальным или превращается в безцветный пересказ содержания. Затем толкование должно быть абсолютно лишено субъективного характера. Лирические излияния учителя и восторг его по поводу красот античной поэзии могут произвести на учеников, не чувствительных к этим красотам, комическое впечатление и внушить им гибельную мысль, что учитель хвалит поэта по обязанности. Похвала поэту должна совершенно отсутствовать в классном толковании.⁴

Древние поэты, читаемые в школе, сами по себе настолько великие художники, что не нуждаются в похвалах учителя; довел бы он своих учеников до полного понимания поэтической мысли и формы, вызвал бы в них точным толкованием мысли поэта добрые чувства, — и в результате непременно явится если не восторг учеников (восторг — дело темперамента), то уважение к поэту и охота к его чтению и изучению.

Кончая наши беглые замечания о классном толковании древних поэтов, мы чувствуем, что нас могут упрекнуть в забвении самого важного момента в чтении автора, именно перевода на русский язык. Но, признаться, мы не считаем перевода поэта важным моментом и не придаем ему такого значения, какое он имеет при чтении прозаика. Причины тому следующие: 1) невозможность передать

ferunt dona. — in latus inque alvum] союз останется без перевода. — *curva compagibus alvus = curvatura alvi compactae* „округлость крепко сколоченного живота“. — *recuti]* здесь „колыхаться“; abl. abs. перев. независ. предлож. — *fata]* sc. *fuissent*; *fata deum* здесь „воля богов“. — *mens]* sc. *nostra. — impulerat]* вм. *impulisset* для обозначения несомненного следствия.

В этом комментарии не указываются особенности поэтического языка (этимологические и синтаксические), так как ученики 6 и 7 классов, где читается Вергилий, должны знать их из предыдущего чтения римского поэта (Овидия) или легко узнают их сами по сравнению с изученной ими грамматикой прозы.

⁴ Также неуместны похвалы и восторги в назначаемых для учеников комментариях к древним поэтам. Похвалы в роде: «тонкий эстетик Гомер», «всюду обнаруживаемое поэтом тонкое понимание прекрасного, глубокое знание тайников человеческого сердца и ума, верное воспроизведение действительности и возвышение ее до идеала» или: «неподражаемая произведения классической древности, по которым и мы учимся жизни и правде» или: «такие-то стихи служат прекрасным доказательством того тонкого понимания высших признаков величия и красоты, которым так отличались древние эллины» — не должны бы иметь место в школьном комментарии, если мы не хотим приучить наших учеников к пустословью.

А. Адольф. *Опыт класснаго толкованія Энеиды Виргилия (ii 1-56)*

иногда средствами родного языка оригинальную форму древняго поэта (особ. римскаго) заставляетъ ограничиваться приблизительнымъ переводомъ, который часто уничтожаетъ картину и разрушаетъ то, что создано было при толкованіи; 2) трудность болѣе или менѣе хорошаго перевода дѣлаетъ его недоступнымъ для ученика, а „ученическій” переводъ поэта всегда уродливъ и способенъ поселить въ самихъ переводчикахъ отвращеніе къ поэту. Чтобы избѣжать той и другой опасности, къ переводу при толкованіи поэта слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, прибѣгать только какъ къ средству разъясненія мысли, другія же мѣста, особенно оригинальныя по формѣ, оставлять безъ перевода, разъ они поняты учениками; а если ужъ переводить поэта, то переводъ болѣе трудныхъ мѣстъ долженъ дать ученикамъ самъ учитель, разумѣется, опираясь на классныя толкованія. Полное пониманіе учениками разобранныаго отрывка долженъ доказать не составляемый ими русскій переводъ,⁵ а выразительное чтеніе цѣлаго отрывка съ соблюденіемъ всѣхъ оттѣнковъ мысли, подмѣченныхъ при разборѣ.

⁵ Въ послѣднемъ 33-мъ выпускѣ журнала *Lehrproben und Lehrgänge*, стр. 87 слѣд. помѣщена дѣльная статья Краснига: «Необходимъ ли для плодотворнаго чтенія учениками классическихъ авторовъ переводъ ихъ на родной языкѣ?», гдѣ этотъ вопросъ рѣшается отрицательно.